

Как отслеживались настроения масс в Третьем рейхе

Автор: С. МАДИЕВСКИЙ

Сущностная черта демократических политических систем - принцип обратной связи. Правящие элиты отслеживают настроения в обществе и учитывают их при выработке (корректировке) политических решений. Индикаторами общественных настроений служат результаты выборов, опросов общественного мнения и т.д. А возможность открытого проявления настроений обеспечивается свободой слова, печати, союзов, собраний и демонстраций, реальной многопартийностью, проведением альтернативных выборов и пр.

В тоталитарных системах, где свободы доступа к информации и свободы выражения мнений отсутствуют, не может сформироваться и плюралистичное общественное мнение. Однако в этих системах правители хотят знать, что думает население о них и об их политике.

Потребность в такого рода информации ощущали и руководители нацистской Германии. Несмотря на массивную пропаганду, изолированную систему контроля, репрессий и пр., им не удалось добиться полной унификации общества, автоматического одобрения любой осуществляемой меры. В обществе не удавалось полностью заглушить проявления недовольства, отклоняющиеся мнения и поведение. Поэтому изучение общественных настроений, реакций населения на проводимую политику оставалось весьма актуальным.

Кто и как отслеживал настроения в обществе

С этой целью была задействована разветвленная, охватывающая всю страну сеть государственных, партийных и полицейских органов, поставлявших руководству рейха отчеты о настроениях населения. Сразу же после прихода нацистов к власти в феврале

1933 г. прусское министерство внутренних дел обязало местные учреждения политической полиции (вскоре переименованной в гестапо) ежемесячно представлять "все наблюдения и констатации политического характера, выходящие за чисто местные рамки". Первый шеф гестапо Р. Дильс указывал, что сообщаемая информация должна быть объективной, "непричесанной". После того как руководство гестапо в апреле

1934 г. принял Г. Гиммлер, заместитель последнего Р. Гейдрих потребовал от местных отделений, наряду с ежедневными сообщениями и сообщениями о происшествиях, к первому числу каждого месяца представлять обзоры настроений населения, политической ситуации и ситуации в сфере безопасности [Pommern... 1974, S. 199,209]. Однако че-

М а д и е в с к и й С а м с о н (M a d i e v s k i S a m s o n) - доктор исторических наук, независимый историк и публицист (Федеративная Республика Германия).

рез два года, в апреле 1936 г., составление таких обзоров по указанию Г. Геринга было прекращено (о причинах этого см. далее).

Руководители местных администраций в Пруссии с мая 1933 г. посылали в земельное министерство внутренних дел собственные отчеты. С июля 1934 г. имперский министр внутренних дел В. Фрик потребовал, чтобы их, наряду с аналогичными донесениями министров внутренних дел прочих земель, направляли и ему. Фрик тоже призывал подчиненных давать исчерпывающую и достоверную картину, "исключать в интересах неприкрашенной истины всякие личные и иные соображения", "откровенно сообщать обо всех существенных в политическом смысле и важных для настроений в стране событиях" [Plum, 1965, S. 210]. Однако представление таких отчетов, как и отчетов гестапо, в 1936 г. на основании упомянутого распоряжения было прекращено (исключением стала лишь Бавария, где традиционно существовали свои порядки).

В 1937 г. служба безопасности СС (СД) начала систематически составлять собственные отчеты о внутривнутриполитическом положении, в 1939 г. получившие название "сообщений из рейха". С этой целью помимо 3 тыс. штатных сотрудников были задействованы около 30 тыс. информаторов, ранжированных по категориям (поставщики сведений, агенты, доверенные лица, помощники, ненадежные). Как указывалось в одной из инструкций, информаторы должны были "повсюду - в своей семье, в кругу друзей и знакомых, и прежде всего на рабочем месте, - в незаметной форме выяснять действительное, определяющее характер настроений влияние всех важных внутри- и внешнеполитических событий и мероприятий". Чтобы "охватить все сферы немецкой жизни", сеть информаторов, по мысли Гейдриха, должна была соответствовать реальным условиям на местах: социальной структуре населения, хозяйственной структуре, структуре занятости и доходов, половозрастной структуре - иными словами, представлять собой "репрезентативную для данной территории выборку из совокупного населения" [Zipfel, 1960, S. 155; Steinert, 1970, S. 44; Longerich, 2006, S. 40].

Информация с мест, стекавшаяся в Управление внутренней безопасности, классифицировалась, обрабатывалась и анализировалась сотрудниками (в числе таковых были юристы, врачи, педагоги, экономисты, журналисты и пр.). Их общими усилиями и создавался затем сводный отчет.

В числе начальников управления наиболее заметной фигурой был штандартенфюрер (полковник) О. Олендорф, занявший этот пост в 1939 г. в возрасте 32 лет. Он учился в трех европейских университетах (Лейпцига, Гёттингена и Павии), защитил диссертацию по юриспруденции; затем возглавил Институт мирового хозяйства в Киле, а с 1938 г. управлял также делами Имперского объединения немецкой торговли. В 19 лет Олендорф вступил в СС, а с 1936 г. стал сотрудником СД.

Свои взгляды на задачи внутреннего наблюдения Олендорф изложил в доверительной беседе с личным врачом Гиммлера Ф. Керстеном. "Сообщения из рейха", по его мнению, должны показывать, как население реагирует на правительственную политику, какие мероприятия вызывают недовольство. Подобно тому, как генеральный штаб армии нуждается в постоянном притоке информации, позволяющей правильно оценивать положение на фронте, руководству партии следует знать о реакциях народа на его решения, даже если эти реакции ему не по вкусу. Информирование руководства рейха должно, по мнению Олендорфа, осуществляться без оглядки на национал-социалистическое мировоззрение - именно так оно будет лучше всего служить целям национал-социализма [Steinert, 1970, S. 14 - 18; Kersten, 1956, p. 211; Stokes, 1975, p. 250].

Некоторые из этих идей Олендорф повторил в мае 1945 г., буквально за пару дней до конца Третьего рейха, в меморандуме на имя одного из руководителей так называемого "фленсбургского правительства" Л. фон Шверин-Крозига. О том, что объективная внутренняя разведка важна для целей национал-социализма, там уже не упоминалось, лишь указывалось, что она имеет особое значение для государства с "вождистской системой, не предусматривающей возможности корректив через парламент или прессу". Заканчивался меморандум... изъяснением готовности предоставить свои услуги оккупационным властям держав-победительниц.

Как справедливо указывает П. Лонгерих [Longerich, 2006, S. 343 - 344], подчеркивание объективности СД имело целью изобразить ее как чисто информационную службу, а не часть репрессивного аппарата режима. Такая попытка была, в свою очередь, элементом защитной стратегии Олендорфа. Дело в том, что в июне 1941 г. ему, как и нескольким другим руководителям подразделений РХСА (Имперского главного управления безопасности), поручено было командовать мобильными соединениями СД и полиции безопасности (так называемыми айнзацгруппами), созданными для очистки оккупированных советских территорий от враждебных элементов. В этом качестве Олендорф руководил уничтожением более 92 тыс. советских военнопленных и гражданских лиц (большинство жертв айнзацгрупп составляли евреи). Привлеченный американцами к ответственности, он утверждал, что эта командировка не была связана с его служебными обязанностями, в оправдание же своих действий ссылался на "Befehlsnotstand" - "чрезвычайную ситуацию, в которой невыполнение приказа влечет за собой расстрел" (этой формулировкой пытались прикрыться многие палачи). Впрочем, целесообразность приказа он сомнению не подвергал (так, отвечая на вопрос, зачем уничтожались дети, пояснил: чтобы из них впоследствии не выросли мстители). По приговору американского суда Олендорф в 1951 г. был повешен (он стал последним нацистским военным преступником, казненным в Западной Германии).

С 1934 г. по указанию заместителя фюрера Р. Гесса местные партийные органы представляли ему ежемесячные отчеты о деятельности и настроениях (с 1938 г. - отчеты о ситуации), составляемые в соответствии со спущенной сверху подробной схемой. Этот процесс начинался с первичек, их информация стекалась к крайслейтерам, а от тех - к гауляйтерам (партийным вожакам районов и округов). В отчеты включались и донесения местных подразделений различных ведомств, а также ассоциированных с партией союзов (женских, молодежных и пр.). Гесс требовал, чтобы отчеты давали точные сведения о "жалобах и недовольствах населения; всех происшествиях, имеющих политическое значение; отношении населения к внешнеполитическим событиям; слухах; месте партии в жизни нации; доверии к ней", и т.д. "Описание общего настроения населения" должно было быть "подробным и неприкрашенным" [Diel-Tiele, 1969, S. 230 - 231; Bankier, 1995, S. 13 - 14].

В деятельности информационных аппаратов подчас проявлялось ведомственное соперничество. Свидетельство тому - распоряжение Гесса в декабре 1934 г.: направлять отчеты с мест только ему, никоим образом не передавая другим учреждениям. Кто конкретно имелся в виду, видно из циркулярного письма гауляйтера Гессена-Нассау, которое запрещало функционерам партии информационные контакты со службой безопасности (СД) [Diel-Tiele, 1969, S. 230 - 231]. Министерство пропаганды, руководимое И. Геббельсом, имело собственную систему информации - она поступала от четырех с лишним десятков окружных управлений пропаганды.

Свою систему имел и "Немецкий трудовой фронт" (эрзац распущенных нацистами профсоюзов), но в отличие от партийной она действовала в тесном контакте с гестапо и СД и в конечном счете была поглощена последней. Основное внимание уделялось настроениям рабочих.

Наконец, партийная канцелярия на основе всех перечисленных материалов составляла "Выдержки из сообщений окружных руководств и прочих ведомств". Основной их функцией было утверждение властных притязаний партии по отношению ко всем иным аппаратам управления.

Как следует оценивать отчеты о настроениях

Вопрос в историографии дискусионен. Ряд авторов склоняются к тому, что цель этих отчетов - действительно представить объективную картину общественного мнения, которую руководство рейха могло бы учитывать при принятии политических решений. По их мнению, которое в общем соответствует приведенным высказываниям Гесса, Фрика, Гейдриха, Олендорфа, эти отчеты представляли собой своего рода ран-

нюю, зачаточную форму демоскопии. Разумеется, данные авторы видели методическое несовершенство этой формы, равно как и тот факт, что она служила и иным целям, не имеющим ничего общего с задачей объективного отражения действительности. Однако, несмотря на все это, они считали содержащуюся в отчетах фактическую информацию более или менее надежной [Boberach, 1984; Kulka, Jackel, 2004; Bankier, 1995].

И. Кершоу более скептичен. Он указывает на фрагментарность содержащейся в отчетах картины, обусловленную привязкой информации к тем или иным событиям и ситуациям. Главное - вопреки словесным наставлениям сверху, она почти неизбежно приукрашивала действительность: многие источники информации, опасаясь за себя, воздерживались от передачи критических высказываний; кроме того, подчиненные стремились поставлять начальству позитивную информацию [Kershaw, 1999]. Ф. Байор тоже сомневается в объективности отчетов - ведь они используют специфичный для режима понятийный аппарат и словарь, привносят в них собственное видение вещей, собственные политические интенции и - чем выше, тем больше - тяготеют к табуизации негатива и приукрашиванию картины [Bajor, 2004].

Наиболее критичен, однако, П. Лонгерих. Как и автор этих строк, он исходит из того, что в условиях тоталитарной диктатуры формирование общественного мнения - в том смысле, который вкладывается нами в это понятие, - невозможно. Далее, в силу несоблюдения основополагающих требований к исследованиям общественного мнения (прежде всего - требования репрезентативности), отчеты на деле представляли собой, вопреки всем попыткам преодолеть последствия "врожденных пороков", лишь субъективные впечатления информантов о реакциях отдельных людей или групп на те или иные явления. Они, как правило, больше говорят об их составителях, нежели о предмете [Longerich, 2006].

Уже отмечалось, что отчеты о настроениях были насильственно идеологизированы. Их авторы исходили из представления о немецкой народной общности, тесно сплоченной вокруг вождя, проникнутой единой волей и сознанием, заложенными в ее "расовой душе". Отклоняющиеся взгляды рассматривались как явления изолированные, периферийные, как выражение преходящих заблуждений или эгоистических интересов малых чужеродных групп. Отчеты были составной частью усилий режима по созданию однородной народной общности, имеющей единое общенародное мнение, согласное с политикой режима. Однако наряду с этим, в отсутствие свободы выражения мнений, они становились своеобразным форумом, который авторы и читатели, принадлежавшие к кругам партийно-государственной бюрократии, использовали для комментирования действий режима, изложения своих взглядов на желательные шаги. Делалось это под видом информирования о настроениях населения и, конечно, лишь в очерченных выше политико-идеологических рамках. Подчас этот форум использовался и для взаимного подсиживания, сведения счетов между различными ведомствами (путем фиксации отрицательных реакций населения на те или иные действия конкурирующей структуры).

Как реагировали в верхах на информацию о настроениях

Уже говорилось, что в 1936 г. Геринг распорядился прекратить составление и рассылку отчетов гестапо и местных администраций о настроениях населения. В этих отчетах, по его мнению, "во многих случаях отдельные нездоровые проявления и местные трудности без нужды выставлялись на первый план, или(и) явления, наблюдающиеся лишь в некоторых местах, неправомерно обобщались". Поскольку отчеты становились доступны более широкому кругу лиц, "возникла опасность, что они сами содействуют ухудшению настроений". Между тем, продолжал Геринг, "грандиозный успех" партии на выборах в рейхстаг в марте 1933 г. доказал, что немецкий народ вполне усвоил основные идеи политики фюрера и рейхсканцлера, безоговорочно одобряет их и никоим образом не склонен из-за неизбежных большей частью недостатков повседневной жизни колебаться в своей доверии фюреру". "Партия, - заключал он, - гораздо лучше знает настроение народа, чем может его знать бюрократия" (цит. по [Plum, 1965, S. 222]).

С 1937 г. важнейшим каналом информации о настроениях населения стали для верхов отчеты СД. Однако и их источники - донесения местных отделений - подвергались со стороны руководства службы критике, совпадающей по направленности с замечаниями Геринга. А именно: "отдельные случаи трактуются как симптоматичные для ситуации в целом", "сообщаются главным образом негативные сведения" и, поскольку "настроение оценивается лишь с этой точки зрения, действительное положение вещей предстает в ложном или по меньшей мере искаженном свете". Такой подход, говорилось далее, позволяет представить "лишь влияние вражеской деятельности или негативное воздействие мероприятий государства или партии, но не действительное положение вещей, ибо к нему, безусловно, относится и позитив" [Longerich, 2006, S. 36].

В том же духе наставлял свой информационный аппарат Геббельс. Так, в циркуляре, направленном министерством окружным управлениям пропаганды в феврале 1943 г., их критиковали за то, что в своих отчетах "по ничтожным поводам, из не имеющих значения происшествий делают выводы о плохом настроении в определенных кругах. Эти абсолютно нетипичные проявления следовало бы лучше самим устранить на местах методами военного времени, нежели сообщать о них нам..." [Steinert, 1970, S. 43]. В качестве гауляйтера Берлина Геббельс так и поступал: направлял в пивные и другие общественные места активистов партии, которые кулаками и касетами затыкали рты "нытикам" и "критиканам".

Вернемся, однако, к отчетам СД и реакциям на них. Первым по должности знакомился с ними начальник Имперского главного управления безопасности. А. Розенберг, претендовавший на роль теоретика партии, идейного наставника ее кадров, тоже читал отчеты СД очень внимательно, особенно интересуясь реакциями в обществе на его антицерковные выпады. Министры юстиции земель на основе информации Олендорфа принимали подчас конкретные меры, вплоть до издания ведомственных циркуляров и внесения предложений об изменении действующих законов и указов. Министров труда интересовали данные о состоянии трудовых отношений в промышленности и настроениях рабочих. Министры экономики, используя сведения из отчетов при планировании занятости, цен и зарплат, снабжения населения, получали таким путем сигналы тревоги в связи с непопулярными мерами.

Наибольший интерес к отчетам о настроениях проявляло министерство пропаганды. Геббельс понимал: чтобы пропаганда была эффективной, нужна надежная информация о степени ее воздействия на различные слои населения. Во время встреч с издателями газет он значительную часть времени уделял чтению и комментированию обзоров настроений в обществе. Иногда при этом делались немедленные практические выводы. Так, сообщение о том, что растущее число немцев слушают иностранные радиопередачи, породило указание - широко оповещать о карах за такой деликт. Вместе с тем, если Геббельс считал, что отчеты СД искажают или поверхностно трактуют факты, он требовал от составителей внесения поправок.

После Сталинграда позиция его ужесточилась. 17 апреля 1943 г. Геббельс занес в дневник: "Отчеты СД приносят скорее вред... Они совершенно аполитичны и безо всякого отбора направляются в соответствующие учреждения. Отсюда проистекает определенная опасность, ибо большинство читателей этих отчетов не обладают политической способностью отличать мелочи от главного". Однако "фюрер не нуждается в знании того, что кто-то в своей компании однажды выругал военное руководство, точно так же политическому руководству необязательно сообщать, если где-то и кто-то проклинал войну, изливая таким образом свой гнев". Вся система отчетов СД, заключал Геббельс, должна быть скорейшим образом перестроена. А именно: их материалы следует просматривать с политической точки зрения и согласовывать со взглядами гауляйтеров и местных управлений пропаганды; только так они могут быть превращены в действительно ценный информационный источник. Предвосхищая упрек, автор дневника утверждал: "Я совершенно не хочу, чтобы руководство рейха оказалось отрезанным от таких источников информации, я хочу лишь не допустить, чтобы из мух делали слонов и чтобы у руководства рейха постепенно возникала совершенно не соответствующую-

щая действительности картина настроений немецкого народа" [Die Tagebucher... 1993, S. 113].

Из дневника явствует, что с мая 1943 г. Геббельс обсуждал с Гиммлером вопрос о приостановке отчетов СД из-за их пораженческого воздействия. В июне того же года прежний вид отчетов был заменен новым, рассчитанным на более узкий круг лиц. Но и эту форму, как следует из дневника, Геббельс вскоре счел совершенно непригодной для практической работы. Отчеты, сетовал он, "представляются в неисправленной форме и включают в себя все, что какой-либо аноним в каком-нибудь городе или селе в какой-то необдуманной миг высказал как свое мнение. Я не могу представить себе, чтобы знакомство с такими отчетами могло дать какую-то пользу, и потому отказываюсь в дальнейшем принимать их к сведению" [Die Tagebucher... 1993, S. 127].

Нельзя не согласиться с комментарием П. Лонгериха: если не удастся устранить плохие настроения, значит, следует устранить медиум, о них сообщающий. Постепенно утрачивая способность влиять на общественные настроения, Геббельс стал опасаться что отчеты СД могут (помимо воли составителей) превратиться в своего рода рупор нежелательных, отклоняющихся мнений [Longerich, 2006, S. 290].

Как воспринимал отчеты СД верховный шеф нацистских органов Гиммлер? Факты показывают, что неоднозначно. Он ценил компетентность Олендорфа, поддерживал его, но - до определенного предела. Например, когда Олендорф сообщил о негативной реакции на очередную речь А. Гитлера, Гиммлер отклонил эту информацию, заявив, что она отражает собственные пораженческие настроения, "нехватку веры" у авторов отчета. Разочарованный Олендорф пожаловался Ф. Керстену: "Рейхсфюрер хочет, в сущности, иметь разведывательную службу, которая будет поставлять ему радостные, оптимистические сообщения... Однако это невозможно, ибо чем более кризисной становится ситуация, тем мрачнее отчеты" (цит. по [Stokes, 1975, p. 250]).

Наконец, несколько слов о позиции руководителя партийной канцелярии М. Бормана. Упомянувшиеся уже "Выдержки из сообщений окружных руководств и прочих ведомств" нередко давали ему поводы для "корректирующего вмешательства". Однако в декабре 1942 г. Борман направил гауляйтерам циркуляр, в котором "по поручению фюрера и в согласии с имперским руководителем пропаганды" отчитал их за присылаемые сообщения, где "негативные высказывания... или более или менее незначительные происшествия, указывающие на определенную усталость от войны, приводятся в качестве доказательств плохого настроения народа". Какие-то местные "неприятности, понятные проявления нервической раздражительности, высказывания неисправимых пессимистов, выражения страхов и трусости мелкобуржуазных филистеров... невзирая на их ничтожное в общих рамках значение, выдаются за барометр настроений". Шеф партийной канцелярии обязывал руководителей на местах заставить умолкнуть все выражения сомнения "с помощью бесспорных аргументов, а если и это не поможет, то с помощью испытанных в период борьбы за власть более массивных методов воздействия" (то есть физического насилия) [Longerich, 2006, S. 49]. Что касается отчетов СД, то в конце 1944 г. Борман распорядился прекратить всякое сотрудничество с этим ведомством. Это, в свою очередь, вынудило Олендорфа склонить голову и исключить из отчетов критические констатации [Bankier, 1995, S. 17].

Наибольший интерес, конечно, представляет вопрос, доходили ли отчеты о настроениях до Гитлера и влияли ли на принимаемые им решения. Имеется немало данных о том, что вокруг фюрера была воздвигнута стена, через которую не проникали или проникали с трудом сообщения критического, тем более негативного характера. Информация, противоречащая его основополагающим взглядам и потому неизбежно вызывавшая гнев, блокировалась еще на дальних подступах. Уже упомянутый Керстен пишет (со слов адъютанта Гиммлера Р. Брандта), что Гиммлер подшивал отчеты СД, не доводя их до сведения Гитлера, если в них говорилось о мрачных настроениях. Он мотивировал это так: фюрер все равно не сможет использовать их, поскольку его задача - привести Германию к победе; нам следует оберегать его от всего, что могло бы помешать

этому [Kersten, 1956, p. 300]. Отчеты, которые попадали в канцелярию Гитлера, в свою очередь, подвергались там цензуре Бормана.

Как реагировал Гитлер на сведения, доходившие до него? Об этом вспоминал после войны Ф. Видеман, его военный адъютант в 1930-е гг. Одной из обязанностей Видемана было устно резюмировать содержание присылаемых фюреру бумаг, поскольку у того не было терпения читать их. В 1936 г. в очередном отчете сообщалось об апатии и фатализме, проявляющихся в обществе. После первых же фраз Гитлер оборвал адъютанта: "Настроение народа не плохое, а хорошее. Мне лучше знать это. Его портят именно такие отчеты. На будущее запрещаю Вам что-либо подобное" [Wiedemann, 1964, S. 89 - 90]. Это происшествие показывает, что вождь и соратники мыслили одинаково.

Значит ли сказанное, что Гитлер совершенно не представлял себе и не учитывал настроений немецкого общества? На мой взгляд, нет. Доказательством является, в частности, его речь от 10 ноября 1938 г., на следующий день после известной "Хрустальной ночи". Перед 400 журналистами и редакторами фюрер резюмировал итоги своей политики со времени прихода к власти. Среди прочего он сказал: "Обстоятельства вынуждали меня в течение десятилетий говорить исключительно о мире", - отметив, что одним из них были настроения в немецком обществе. Однако в речи от 1 сентября 1939 г. в рейхстаге он недвусмысленно предупредил функционеров всех уровней: "Пусть никто не докладывает мне, что в его округе, районе, группе, ячейке настроение плохое. Носителями - ответственными носителями - настроений являетесь вы" (цит. по [Domarus, 1965, S. 974,1317]).

Но чем хуже шли дела, тем меньше становилась готовность Гитлера смотреть в глаза фактам. Характерна в этом смысле его реакция 23 марта 1943 г. на сводку сообщений "органов" об упаднических настроениях населения: "Если бы то, что люди постоянно говорят, имело решающее значение, все было бы давно проиграно. Однако истинная позиция народа лежит много глубже, она базируется на прочном внутреннем мировоззрении. Если бы это было не так, все его достижения были бы необъяснимы" (цит. по [Picker, 1963, S. 206]).

Еще отчетливее проступает самогипноз в его высказывании 1944 г., приводимом А. Шпеером. В связи с массированными бомбардировками немецких городов авиацией союзников, вызывавшими огромные разрушения и жертвы и, естественно, отражавшимися на моральном состоянии немцев, Гитлер бросил: "Эти воздушные налеты мне нипочем. Я смеюсь над ними. Чем меньше людям остается терять, тем фанатичнее они будут драться" (цит. по [Speer, 1965, p. 221]).

Таков, действительно, был настрой фанатиков национал-социализма и тех, кто считал, что совершенное ими не оставило иного выбора. Картина настроений большинства была сложнее. Предчувствие катастрофы причудливо сплеталось с надеждой на чудо, страх перед возмездием победителей - со страхом перед террором властей, глухое недовольство - с упрямым желанием продержаться. И все большее число немцев было озабочено тем, чтобы как-то пережить надвигающееся поражение, уклонившись от ответственности за деяния режима, который по разным соображениям и в разной мере они поддерживали.

* * *

Сказанное выше, на мой взгляд, показывает, что в тоталитарных диктаторских режимах даже закрытая служебная информация о настроениях населения подчас препарируется применительно к представлениям и вкусам властителей, не доходит до первых лиц или же игнорируется ими. Это, впрочем, и неудивительно. Ведь для таких режимов важно не одобрение управляемыми проводимой политики в силу убеждения в ее правильности. Цель проще - не допускать открытых выражений недовольства, публичной критики, нарушающих официальную картину единства нации, сплоченности народа вокруг вождя.

Обратная связь малоэффективна, действует с перебоями или выражается в усилении пропаганды, контроля и репрессий. Если и пока позволяют средства, применяется и подкуп. Систематический подкуп немцев за счет ограбления инородцев и иностранцев был едва ли не основным средством поддержания стабильности рейха.

И лишь в редких случаях нацистский режим реагировал на проявления недовольства населения модификацией политики - например, приостановкой антицерковных мер в 1936 - 1937 гг. или программы эвтаназии (уничтожения больных и инвалидов) в 1941 г. Но и тогда происходил не пересмотр генеральной линии, а лишь временная, до победоносного окончания войны отсрочка ее воплощения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bajor F. Über die Entwicklung eines schlechten Gewissens. Die deutsche Bevölkerung und die De-portationen 1941 - 1945 // Deportation der Juden aus Deutschland. Plane-Praxis-Reaktionen 1938 - 1945. Gottingen, 2004.

Bankier D. Die öffentliche Meinung im Hitler-Staat // Die "Endlösung" und die Deutschen. Eine Berichtigung. Berlin, 1995.

Boberach H. Einführng // Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. Herrsching, 1984.

Diel-Tiele P. Partei und Staat im Dritten Reich. Untersuchungen zum Vernaltnis von NSDAP und allgemeiner innerer Staatsverwaltung 1933 - 1945. Munchen, 1969.

Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932 - 1945 // Kommetniert von einem deutschen Zeitgenossen. Munchen, 1965. Bd. 1/2.

Kershaw J. Der Hitler-Mytos. Führermytos und Volksmeinung. Stuttgart, 1999.

Kersten F. The Kersten Memoirs 1940 - 1945. London, 1956.

Kulka O.D., Jacket E. Die Juden in der geheimen NS-Stimmungsberichten 1933 - 1945. Dusseldorf, 2004.

Longerich P. "Davon haben wir nichts gewusst!" // Die Deutschen und die Judenverfolgung 1933- 1945. Munchen, 2006.

Picker H. Hitlers Tischgesprache in Führerhauptquartier, 1941 - 1942. Stuttgart, 1963.

Plum G. Staatspolizei und Innere Verwaltung, 1934 - 1936 // Vierteljahrshefte flr Zeitgeschichte, 13(1965).

Pommern 1934/35 im Spiegel von Gestapo-Lageberichten und Sachakten. Koln, 1974. Bd. 2.

Speer A. Spandau. The Secret Diaries. New York, 1965.

Steinert M. Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Dilsseldorf-Wien, 1970.

Stokes L.D. Otto Ohlendorf, the Sicherheitsdienst and Public Opinion in Nazi Germany // Policy Forces in History. London, 1975.

Die Tagebucher von Joseph Goebbels. Munchen, 1993. T. II. Bd. 8.

Wiedemann F. Der Mann, der Feldherr werden wollte. Dortmund, 1964.

Zipfel F. Gestapo und Sicherheitsdienst. Berlin, 1960.